

Культура (в) релокации: 1920—1940-е годы

Ирина Головачева, Любовь Бугаева

От составителей

DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_135

Irina Golovacheva, Lyubov Bugaeva
From the Guest Editors

Отвлеченные размышления об изгнании странно затягивают — испытать же его на себе ужасно. Это насильственное и необратимое отсечение человека от родных мест, человеческого «я» — от его подлинного дома; тоска изгнанника неисцелима. <...> Но если настоящее изгнание — это мука невозможной утраты, почему же сегодня оно с такой легкостью превращается в могучую и, более того, весьма продуктивную движущую силу культуры? Для нас уже почти само собой разумеется, что вся наша эпоха — время отчуждения и духовного сиротства, век разобщенности и тревог [Саид 2003].

Такими словами характеризует изгнание, главную примету ушедшего века, Эдвард Саид. Массовая и индивидуальная релокация или дислокация, вызванная революциями и контрреволюциями, двумя мировыми и множеством локальных войн, красной линией пересекает XX век. Многие деятели культуры оказались включены в непрекращающийся по сей день процесс переселений и скитаний. Большинство европейских мигрантов первой половины XX века бежали от погромов, большевизма и фашизма. Другие бежали от расизма и антикоммунизма. Однако не все эмигранты и экспатрианты стали жертвами «времени жабы» — так с легкой руки остроумного Эмиля Золя стали называть любой период, когда та или иная нация безоглядно возвышает фанатиков и унижает или уничтожает инакомыслящих. Нередко переселение происходило добровольно, исходя из личных устремлений того, кто не испытывал привязанности к корням и, напротив, испытывал «охоту к перемене мест». Действительные причины миграции интеллектуалов и творческой элиты зачастую оказываются в тени лежащих на поверхности социальных или политических процессов. Переезд или бегство нередко определяется сложным комплексом как очевидных, так и неочевидных причин. Среди них можно выделить такие,

которые характеризуют феномен «выдавливания», то есть необходимость более или менее срочно покинуть страну в силу невыносимости ситуации, в которой оказался потенциальный релокант, или непосредственной угрозы жизни. Условную вторую группу причин можно отнести к другому феномену — «притяжению», связанному с привлекательностью по той или иной причине страны, в которую осуществляется релокация. Это могла быть возможность реализации мечты, личной и коллективной утопии, потребность в новизне и стремление к свободе, осуществимость которой связывалась со страной релокации, или редкий шанс стать участником жизнестроительного эксперимента.

Статьи данного блока обращаются к причинам и целям релокации, стремясь на примере четырех кейсов, в каждом из которых представлена история миграции, оценить степень вынужденности перемещения или, наоборот, обозначить его побудительные мотивы. Еще одно важное направление рефлексии авторов статей блока связано с фигурой релоканта, что неизбежно ведет к вопросу об идентичности — она, как принято считать, при перемещении в другое географическое и культурное пространство неизбежно подвергается метаморфозе.

Феномен релокации задолго до появления *exile studies*, отдельной области гуманитаристики, был отрефлексирован как критиками, так и самими мигрантами/номадами — интеллектуалами, в особенности писателями, в частности Эмилем Золя в не опубликованных при его жизни «Записках изгнанника» («*Pages d'exil*»), а также в многочисленных текстах других беглецов и экспатриантов.

В 1930 году вышла книга критика Мэтью Джозефсона «Портрет художника как американца» («*Portrait of the Artist as American*») об исходе американских писателей в Европу. Джозефсон задавался вопросом о том, не станет ли эмиграция интеллектуалов столь же всепоглощающей, как иммиграция рабочей силы¹. В том же году Олдос Хаксли публикует эссе «Самоизгнание и литература» («*Exile and Literature*»), где рассуждает о британских «перелетных» писателях-мигрантах и приходит к выводу, что не существует одного единственного объяснения тому, почему столько британских литераторов предпочли континент туманному Альбиону. Спустя четыре года Малколм Каули в книге «Возвращение эмигрантов» («*Exile's Return*», 1934) высмеял американских писателей, которых он воспринимал «не столько как переселенцев, сколько как беженцев» (*not so much exiles as refugees*), потянувшихся в Европу еще с 1920-х годов².

После Второй мировой войны восприятие интеллектуальной миграции претерпело существенные изменения. Так, например, в книге «*Minima moralia*. Размышления из поврежденной жизни» («*Minima Moralia. Reflexionen aus dem beschädigten Leben*», 1951), написанной после возвращения Теодора Адорно из американской эмиграции в Германию, автор констатирует: «В эмиграции всякий без исключения интеллектуал — “человек поврежденный”»³.

Несколько лет спустя знаменитый литературный критик Гарри Левин в выступлении на Би-би-си, озаглавленном «Литература и изгнание» («*Literature*

1 *Josephson M. Portrait of the Artist as American*. New York: Harcourt, Brace, 1930.

2 *Cowley M. Exile's Return: A Narrative of Ideas*. New York: W.W. Norton, 1934. P. 240.

3 *Адорно Т.В. Minima moralia. Размышления из поврежденной жизни* / Пер. с немецкого А. Белобратова, ред. Т. Зборовской. М.: Ad Marginem, 2023. С. 41.

and Exile», 1959), заявил, что писатель, оказавшийся вне родины, — это голос нашего времени, так как он занимает привилегированное положение свидетеля и регистратора человеческого опыта в XX веке⁴.

В нынешнем столетии истории интеллектуалов и художников, оказавшихся за границей, стали предметом многочисленных специальных культурологических изысканий, *exile studies*, в значительной степени инициированных еще в 1983 году Эдвардом Саидом в статье «Мысли об изгнании» («Reflections on Exile», 1983) — в ней он предложил различать «изгнанников», «беженцев», «экспатриатов» и «эмигрантов», а затем в его же работе 1993 года «Интеллектуальное изгнание: экспатрианты и маргиналы» [Saïd 2000]⁵. Интеллектуальная эмиграция — или, шире, интеллектуальное отчуждение, — как считал Саид, берет начало в социальной и политической истории дислокации и миграции, то есть в актуализированном состоянии изгнания, но далеко не ограничивается этим.

Характерно, что знаменитая американская писательница Джойс Кэрол Оутс в написанном для журнала «New Yorker» эссе «Беженцы в Америке» («Refugees in America»), вольно или невольно следуя за Саидом, выделяет три типа мигрантов-писателей: «экспатриант» (*expat*), «иммигрант» (*immigrant*) и «беженец» (*refugee*)⁶. В ее понимании «экспаты» — это писатели-странники, которые придерживаются космополитических взглядов и имеют достаточно средств для свободных перемещений по миру. «Эмигранты» релоцируются вследствие материальной нужды, то есть ищут более надежного пристанища. «Беженцы» спасаются, пытаясь обрести убежище на чужбине. Разумеется, возможна гораздо более разветвленная и детализованная классификация, учитывающая особые обстоятельства или комплекс причин и поводов для переселения или бегства [Бугаева 2006; Kaplan 1996: 89–93]. Тем не менее схема, предложенная Саидом и вновь озвученная Оутс, является вполне удовлетворительной.

Критики, работающие с темой «писатели-изгнанники», применяют к ней разную оптику. Так, Сёрен Фрэнк в книге «Миграция и литература» («Migration and Literature», 2008) предлагает заменить термин «литература мигрантов» (*migrant literature*) термином «литература миграции» (*migration literature*), что позволяет анализировать тексты о скитаниях, написанные литераторами, оставшимися на родине, тем более что разница между этими последними и писателями-релокантами, с его точки зрения, практически нивелирована [Frank 2008: 1–30]. А в коллективной монографии «Литература в изгнании: проза эмигрантов и опыт XX века» [Literature in Exile... 2016], напротив, речь идет исключительно о творчестве писателей-переселенцев из самых разных уголков планеты.

В отличие от европейских писателей-изгнанников, многие из которых принадлежали к категории эмигрантов или стали беженцами, американские литераторы, художники и интеллектуалы изначально были «экспатами», добро-

4 Levin H. Literature and Exile (1959) // Harry Levin Refractions: Essays in Comparative Literature. New York: Oxford University Press, 1966. P. 62.

5 Отметим, что Саид использует термин «изгнанник» максимально расширительно, как зонтичный термин, охватывающий по существу все виды релокации.

6 Oates J.C. Refugees in America // The New Yorker. 2017. No. 1 (<https://www.newyorker.com/magazine/2017/02/13/refugees-in-america> (дата обращения: 03.08.2024)).

вольно избравшими погружение в иные культуры. Наиболее известные из них — Генри Джеймс, Гертруда Стайн и Эрнест Хемингуэй. Судьбы и тексты американских писателей-релокантов и их отличие от биографий и произведений их европейских собратьев по перу прослежены в главах, составивших две книги: «Американские писатели в изгнании» [American Writers in Exile 2015], в которой представлены работы о Генри Джеймсе, Эзре Паунде, Джеймсе Болдуине, Ричарде Райте и американцах, представлявших «потерянное поколение», и «Европейские писатели в изгнании» [European Writers in Exile 2018], включающей тексты об Эмиле Золя, Джозефе Конраде, Томасе Манне, Джеймсе Джойсе, Франце Кафке, Владимире Набокове, Ханне Арендт, Артуре Кестлере, Милане Кундере и др. Оба тома вышли под редакцией Джеффа Биркенстайна и Роберта Хохарта.

Что до статей, включенных в данный тематический блок, они касаются пространственных релокаций западных деятелей культуры (европейцев и американцев) конкретного периода, 1920—1940-х годов. Мы не затрагиваем российскую эмиграцию и культуру русского зарубежья, давно удостоившиеся пристального внимания в многочисленных публикациях и учебниках (см., например: [Век диаспоры 2021; Литература русского зарубежья... 2013; Литература русского зарубежья... 2022; Литературная энциклопедия русского зарубежья... 1997/2002; Струве 1956]). Вместо этого мы исследуем миграции западных деятелей культуры, вольно или невольно влившихся в процесс «великого переселения». Кейсы, выбранные авторами, столь же оригинальны, сколь и репрезентативны, так как указывают и на *типичные* направления перемещений, и на *уникальные* маршруты экстратерриториализации [Hognung 2004]: из Великобритании на Средиземноморье и далее в Голливуд; из Голливуда в Мексику, Великобританию и Канаду; из Австрии в Москву и далее в Китай; из США в СССР. Таким образом, пути релокации, прослеживаемые в данной подборке, пролегают через три десятилетия и три континента.

Каждый из кейсов, разумеется, высвечивает неповторимую и специфическую для каждого случая релокации ситуацию. Степень свободы передвижения отнюдь не всегда находится в соответствии с другими свободами. Специфичность определяется, в частности, взаимоналожением факторов, которые влияют на идентичность релоканта. Определение идентичности, в свою очередь, зависит от «позиции наблюдателя», точнее, от системы координат. Так, идентичность может быть определена в терминах расы, национальности и идеологии и/или партийной и цеховой принадлежности. В абсолютном большинстве разбираемых кейсов конкретная идентичность — это результат пересечения или наложения сразу нескольких названных систем координат, наложенных на картину эпохи 1920—1940-х годов.

Ирина Головачева в статье «За солнцем: case study Олдоса Хаксли на фоне континентальной и трансконтинентальной миграции британских писателей в межвоенные десятилетия» представляет типичный кейс довоенной экспатриации не только одного конкретного классика, но и других литераторов-англичан того же круга, анализируя достаточно репрезентативную географию их релокаций. Отправным пунктом рассуждений служит эссе Хаксли «Самоизгнание и литература» о четырех типах мигрантов-интеллектуалов: странниках (wanderers), беглецах (fugitives), изгнанниках (exiles) и беженцах (refugees). Головачева рассматривает комплекс всех обстоятельств, предопределивших маршруты блужданий Хаксли и миграцию других интеллектуалов его круга.

Отдельное внимание уделено диаспоре, сложившейся в начале 1930-х годов в Санари-сюр-Мер, куда перебрались немецкие и австрийские писатели (более шестидесяти человек), а затем и судьбам беглецов/экспатов, навсегда поселившихся в Южной Калифорнии, их опыту переживания и соприкосновения со всеми видами релокации, в том числе и с той, которая связана с реализацией пацифистской позиции во время Второй мировой войны. Рассуждая о релокации Хаксли (серии его перемещений — сначала внутри Европы, а затем и в Южной Калифорнии) в терминах ее «притягательности» или «вынужденности», Головачева учитывает следующие факторы: писатель, скорее всего, остался бы в Италии, если бы не стремительная фашизация Апеннин, или позже остался бы на Французской Ривьере, откуда он, как и многие интеллектуалы, был вынужден уехать, не дожидаясь грядущей немецкой оккупации. Однако по сравнению с интеллектуалами-беженцами, покинувшими Германию и Австрию, Хаксли обладал значительной степенью свободы и в этом смысле можно говорить о добровольности его миграции. Что до побудительных мотивов его переселения в Соединенные Штаты, то они сигнализируют как об «отчуждении», так и о «притяжении». С одной стороны, он полагал, что пацифист в Англии, но не в Америке, больше не способен сделать что-либо для предотвращения войны. Не видел он и карьерных возможностей на Британских островах. С другой стороны, Америка обещала реализацию сразу нескольких программ — от идеологических до жизнестроительных. Говоря о метаморфозах идентичности Хаксли в релокации, Головачева отмечает, что он не ставил перед собой задачу американизироваться. Не стремился он и стать своим в литературной среде Америки. Американский литературный ландшафт, казалось, его вовсе не интересовал. В сущности, все произошедшее с ним перемены могут быть квалифицированы как «личностный рост». Подробно анализируя разнообразные метаморфозы, произошедшие с Хаксли за пределами Англии, Головачева приходит к выводу о том, что перед нами пример удачного и плодотворного опыта релокации. Таким образом, итоги его творческой биографии как будто опровергают тезис Теодора Адорно: вместо того чтобы стать «поврежденным человеком», О. Хаксли, напротив, «распрямялся».

Статья **Александра Белобратова** «У грязной стены мировой истории: австрийская поэтесса Клара Блюм в странствиях» представляет собой очерк жизни и творчества австрийско-немецкой, а затем советской и китайской писательницы Клары Блюм (1904—1971), судьбу которой и ее уникальные маршруты миграции (из Австрии в Палестину и обратно, затем в Советскую Россию, во Францию и, наконец, в Китай) определялись глубинным национальным чувством принадлежности к иудейской культуре, чувством сопричастности свободному трудовому человечеству (Блюм свято верила в социализм и интернационализм) и всепоглощающим чувством любви к китайскому революционеру. К Кларе Блюм применимо понятие интеллектуального эмигранта, писателя-маргинала, отвергаемого истеблишментом. Таким образом, блуждания Блюм предопределялись не столько «вынужденностью», сколько «притяжением». Притягательными ей представлялись идеологические установки Советского Союза, а затем и коммунистического Китая. Релоцируясь сначала в СССР, «страну священную свобод, / Страну великих сталинских законов», а затем с немалыми трудностями в Китай, она демонстрировала искреннюю и беззаветную любовь к «коммунистическому раю», страстное желание ока-

заться причастной новому миру, готовность отказаться от прежней идентичности и стать своей среди прежде чужих. Проект интеграции в обоих случаях оказался не очень удачным. Став сначала советской, а затем китайской гражданкой, она так и осталась чужой, «иностранкой», «эмигранткой» и «интеллигенткой». Релоцируясь в очередную страну, Блюм каждый раз оказывалась не вписанной в литературно-языковое поле нового места обитания. По мнению А. Белобратова, поэтесса так и не вышла из положения «человека поврежденного», чему, разумеется, способствовала и культурная ситуация двух закрытых обществ.

Ольга Панова в статье «Черные среди красных: афроамериканские экспатрианты и эмигранты в СССР 1930-х годов» анализирует уникальный феномен афроамериканской миграции в СССР в первые десятилетия существования Советского государства, а именно кейсы афроамериканских коммунистов (Ловетта Форт-Уайтмена, Виллианы Берроуз и др.), а затем и судьбы «попутчиков», технических специалистов, журналистов, деятелей культуры (Гомера Смита, Вейланда Родда, Ллойда Паттерсона и др.). Рассмотрение отдельных историй эмиграции — добровольной или вынужденной — в их индивидуальном своеобразии позволяет Пановой воссоздать общую картину и проследить, в какой мере расово-культурная идентичность, идеологические взгляды и профессиональная принадлежность обусловили специфику жизни афроамериканской диаспоры в сталинском СССР. Для левых афроамериканских интеллектуалов главным и самым мощным импульсом, то есть фактором «притяжения», побуждающим их ехать в СССР, было отсутствие там дискриминации и сегрегации, в том числе законодательный запрет расизма. Афроамериканские релоканты были зачарованы мифом о полном искоренении расизма и поэтому решили отправиться в страну, обеспечивающую привилегии «быть свободными и сохранять достоинство». Конкретные, практические цели могли различаться: знакомство со страной, учеба, работа. Панова справедливо учитывает тот факт, что советская власть приглашала чернокожих специалистов, преследуя пропагандистские цели, тем более что некоторые релоканты были коммунистами, эмигрировавшими, например, из-за несогласия с решениями Компартии США по расовым вопросам. Некоторые из этих новоиспеченных советских граждан охотно трансформировали свою идентичность, принимая правила игры, — например, с готовностью вступая в ВКП(б). Были и те, кто стали преданными сталинистами, аппаратчиками, идеально адаптируясь на новой родине. Однако не все проявили подобные чудеса гибкости. Были те, кто хотел уехать обратно в США, но получил отказ. В статье О. Пановой представлен широкий спектр метаморфоз идентичности релокантов — от ловкого приспособленчества до искреннего преображения. Некоторые были вынуждены вести двойную жизнь, пребывая в постоянном напряжении, чтобы не выдать своих подлинных мыслей. Ясно, что такие релоканты чувствовали себя чужими на своей новой родине. Вне зависимости от конкретной профессии, идеологической ориентации и даже конкретной — удачной или трагической — эмигрантской судьбы релокация афроамериканцев определялась не столько «выдавливанием из Америки», сколько «притяжением свободной от расизма страны».

В статье «Изгнание из рая: судьба “голливудской десятки”» **Любовь Бугаева** исследует события конца 1940-х годов, а именно коллективный кейс десяти американских кинематографистов (сценаристов, режиссеров и про-

дюсеров), отказавшихся давать показания Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности (HUAC — House Un-American Activity Committee) в 1947 году и в результате осужденных за неуважение к Конгрессу. Практически все они лишились работы: кто-то перебрался в Мексику, другие в Великобританию или Канаду, кто-то ушел из профессии. Бугаева рассматривает историю «голливудской десятки» как сознательно выбранное перемещение в пространстве внешнем и вынужденное перемещение в пространстве внутреннем (в том числе при их наложении) — как релокацию в другую страну и в другую идентичность — подставное имя и/или подставное лицо. Переезд в Мексику или Канаду не превратил членов «голливудской десятки» в эмигрантов — за ними всегда сохранялась возможность вернуться в США. Если, по Саиду, интеллектуальная эмиграция нередко оказывалась эмиграцией в метафорическом смысле — позиционированием себя как «постоянного изгнанника», освобождением от привилегий и соблазнов определенной культуры и освобождением от привычной карьеры и от стремления продвинуться — то в случае «голливудской десятки» миграция, будучи именно *интеллектуальной релокацией*, не стала освобождением. Пользуясь относительной свободой перемещения в географическом пространстве, члены «десятки» оказались гораздо более ограниченными в профессиональной сфере, что для многих стало трагедией. Перемещение в другую идентичность, вызванное желанием сохранить свою профессиональную и цеховую принадлежность, в результате стало триггером формирования такого типа идентичности, который можно обозначить как «я под прикрытием» или «скрытое я». Эта новая идентичность нередко находила реализацию в темах и мотивах произведений, создаваемых релокантами под другими именами, компенсируя тем самым недостаточность субъекта, утратившего прежнюю идентичность. В статье изучаются следствия релокации как для переместившихся, так и для Голливуда, изгнанными из которого вскоре оказались не только те, кто вошел в «десятку» (Далтон Трамбо, Джон Хоуард Лоусон и др.), но и Бертольд Брехт с Чарли Чаплином. Особое внимание в статье уделено творческому сообществу, оказавшемуся в ситуации столкновения идеологии и искусства, а также последующей рефлексии об этом столкновении.

Анализ каждого из этих реальных кейсов, во-первых, позволяет оценить процент добровольности и вынужденности конкретной релокации и градус отчуждения от родины, а во-вторых, дает возможность выяснить, как менялась и менялась ли идентичность изгнанника на новом месте. Все эти факторы помогают ответить на вопрос, насколько универсален диагноз Теодора Адорно — «повреждение», поставленный им интеллектуалам-эмигрантам. Статьи блока показывают разную глубину «повреждения», равно как и его отсутствие, а также разные степени интеграции релокантов в новую культурную среду в зависимости от их намерений (не каждый стремился к ассимиляции) и от конкретных условий, заданных особым характером эпохи 1920—1940-х годов.

Литература / References

- [Бугаева 2006] — *Бугаева Л.Д.* Мифология эмиграции: геополитика и поэтика // *Ent-Grenzen: Intellektuelle Emigration in der russischen Kultur des 20. Jahrhunderts / За пределами: интеллектуальная эмиграция в русской культуре XX века / Ed. by L. Bugaeva, E. Hausbacher. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2006. S. 51—71.*
- (*Bugaeva L.D. Mifologiya emigratsii: geopolitika i poetika // Ent-Grenzen: Intellektuelle Emigration in der russischen Kultur des 20. Jahrhunderts / Za predelami: Intellektual'naya emigratsiya v russskoy kul'ture XX veka / Ed. by L. Bugaeva, E. Hausbacher. Frankfurt a.M., 2006. S. 51—71.*)
- [Век диаспоры 2021] — Век диаспоры. Траектории зарубежной русской литературы (1920—2020): Сб. статей / Под ред. М. Рубинс; пер. с англ. А. Степанова, Н. Махлаюка, Е. Гудвин. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- (*Vek diaspori. Traektorii zarubezhnoy russskoy literatury (1920—2020): Sb. statey / Ed. by M. Rubins. Moscow, 2021.*)
- [Литература русского зарубежья 2013] — Литература русского зарубежья (1920—1940): Учебник для вузов Российской Федерации / Под ред. Б.В. Аверина, Н.А. Карпова, С.Д. Титаренко. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2013.
- (*Literatura russkogo zarubezh'ya (1920—1940): Uchebnik dlya vuzov Rossiyskoy Federatsii / Ed. by B.V. Averin, N.A. Karpov, S.D. Titarenko. Saint Petersburg, 2013.*)
- [Литература русского зарубежья 2022] — Литература русского зарубежья, 1920—1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) / Под ред. Ю.А. Азарова. М.: ИМЛИ РАН, 2022.
- (*Literatura russkogo zarubezh'ya, 1920—1940. Pisatel' v literaturnom protsesse (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Bunina) / Ed. by Yu.A. Azarov. Moscow, 2022.*)
- [Литературная энциклопедия русского зарубежья 1997/2002] — Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918—1940. Т. 1—3 / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 1997—2002.
- (*Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya. 1918—1940. Vol. 1—3. / Ed. by A.N. Nikolyukin. Moscow, 1997—2002.*)
- [Саид 2003] — *Саид Э.Б.* Мысли об изгнании / Пер. с англ. С. Силаковой // *Иностранная литература. 2003. № 1* (<http://magazines.russ.ru/inostran/2003/1/saide.html> (дата обращения: 03.03.2024)).
- (*Said E. Reflection on Exile // Inostrannaya literatura. 2003. No. 1* (<http://magazines.russ.ru/inostran/2003/1/saide.html> (accessed: 03.03.2024)). — In Russ.)
- [Струве 1956] — *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956.
- [American Writers in Exile 2015] — *American Writers in Exile / Ed. by J. Birkenstein, R.C. Hauhart. Amenia, NY: Salem Press, 2015.*
- [European Writers in Exile 2018] — *European Writers in Exile / Ed. by R.C. Hauhart, J. Birkenstein. Lanham, MD: Lexington Books, 2018.*
- [Frank 2008] — *Frank S. Migration and Literature: Günter Grass, Milan Kundera, Salman Rushdie, and Jan Kjærstad. New York: Palgrave Macmillan, 2008.*
- [Hornung 2004] — *Hornung A. Out of Place: Extraterritorial Existence and Autobiography // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. 2004. Bd. 52. Nr. 4. S. 367—378.*
- [Kaplan 1996] — *Kaplan C. Questions of Travel: Postmodern Discourses of Displacement. Durham; London: Duke University Press, 1996.*
- [Literature in Exile... 2016] — *Literature in Exile: Emigrants' Fiction 20th Century Experience / Ed. by I. Ratiani. Cambridge: Cambridge Scholars Publ., 2016.*
- [Saïd 2000] — *Saïd E. Intellectual Exile: Expatriates and Marginals // The Edward Saïd Reader / Ed. by M. Bayomi, A. Rubin. New York: Granta Books, 2000. P. 368—381.*